

Белым по белому

Как работает государственная политика памяти на примере того, кого помнит и кого не помнит Ростов-на-Дону

Сергей Корольков. Фото: sholokhov.ru

13:51, 19 сентября 2025,

Виктория Артемьева

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

На белой стене Ростовского драмтеатра, прикрытая с фасада одной из белых же колонн, висит белая табличка, на которой белыми буквами выгравировано чье-то имя. Вы вряд ли заметите ее, даже если приезжаете в город не впервые и даже если с вами опытный, но не слишком вьедливый сопровождающий — да и просто: если день слишком солнечный или слишком пасмурный. Только с большим трудом, изо всех сил присмотревшись и уже зная, к чему и где присматриваться, можно прочесть, что табличка повешена в память о В. Г. Королькове — который, оказывается, был выдающимся скульптором и графиком, автором двух горельефов на том же фасаде того же театра, на пару метров выше таблички.

В общем-то, ничего особо примечательного — ну табличка, ну скульптор. Мало ли таких в провинциальных городах: здесь родился, сюда заезжал, здесь один раз видели в нетрезвом виде — взгляни и мимо. Но именно эта мемориальная табличка действительно заслуживает внимания: потому что белая на белом, потому что Корольков и потому что в Ростове.

Город знает — хотя почти и забыл — Королькова как автора двух горельефов. В более широких кругах его если помнят, то скорее как иллюстратора шолоховского «Тихого Дона» — иллюстратора, чьи рисунки сам автор считал если не единственно правильными, то «поистине уникальными в своей правдивости и знании донского быта».

Табличка на здание Ростовского драмтеатра. Фото: Виктория Артемьева / «Новая газета»

А в кругах тех, кто что-то о нем слышал и пошел в интернет гуглить биографию, читали, что был он донским казаком, который поступал в Художественную академию, куда ввалился в обледенелой шубе, потому что упал по пути в прорубь, и куда его отказались принимать — из-за его очевидной гениальности («Нам вас учить нечему»). Читали, что был он яростным и ничего не скрывающим антисоветчиком — за что в тридцатые был арестован, признан виновным и тут же отпущен на свободу как ни в чем не бывало. Что во время Великой Отечественной он якобы ушел с немцами и там, в плену, будто бы написал портрет Гитлера, который (портрет) так всем понравился, что разошелся на марки. Что в конце концов оказался в Америке и сделал там надгробные памятники Рузвельту и Линкольну, проделав творческий путь сквозь самые жестокие диктатуры к демократии. Как нетрудно догадаться, далеко не все из этого правда.

И все-таки правда в этих слухах есть — но город она явно интересуется мало. Корольков со своей биографией — хоть мифической, хоть реальной — не вписывается ни в городской ландшафт, ни в официальный канон исторической памяти. Куда лучше в этом смысле дела того, кого он иллюстрировал:

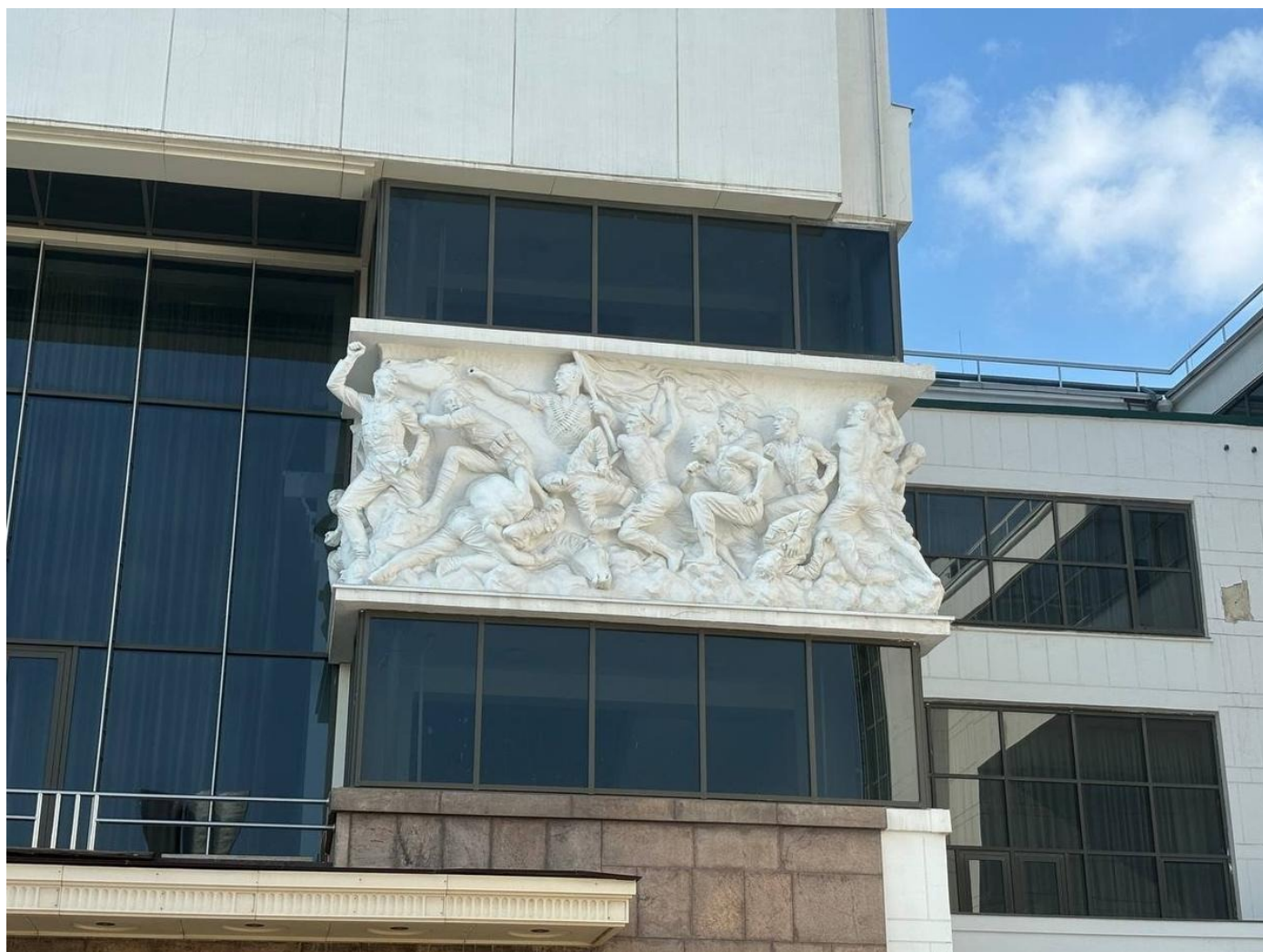
Шолохов в Ростове, как и в государственном (как минимум литературном) нарративе в последнее время, — герой номер один.

Его именем названо не меньше пяти городских библиотек, набережная Дона уставлена скульптурами героев его эпопеи, он сам, бронзовый, широко представлен и в полный рост, и в виде бюстов; имеются даже отель «Шолохов» и ресторан «Тихий Дон». Адаптировать его биографию и его бренд под нужды политики памяти оказалось явно намного проще.

Матчасть: как помнит сообщество

Но о том, кого и как помнит город, а кого старательно забывает, не рассказать без введения в матчасть. Любая социальная группа — или почти любая, во всяком случае, та, которая выходит за пределы круга самых близких родственников, — стремится к тому, чтобы выстроить свою идентичность. Иначе говоря, любая или почти любая социальная группа пытается понять, кто она, что ее объединяет, и на основе этого объединиться еще теснее. Обычно цементирующим веществом являются либо общие ценности, либо общая, наполненная подвигами и свершениями, история. Хотя, как несложно было убедиться за последние несколько лет жизни в России, история и ценности могут оказаться синонимами — и тогда начинается борьба за правильную память («вы сейчас здесь», как обычно пишут на планах эвакуации из здания).

Ростовский драмтеатр. Фото: Виктория Артемьева / «Новая газета»

Мемориальный нарратив — то есть история, которую группа людей рассказывает о самой себе для того, чтобы выстроить свою идентичность, — может основываться на правильно интерпретированных событиях прошлого или на памяти о конкретных людях, которые, по мнению группы, особенно героически отстаивали ее идеалы. Так обычно появляются местночтимые святые (канонизированные и не очень), мемориалы, локальные музеи, названия улиц — через все это и не только это группа материализует сложившийся нарратив о себе, укрепляя его в географии и в пространстве городов и домов. А значит, и легитимизируя заодно себя, ведь когда рассказываемая история находит материальные и географические подтверждения, она из простого набора слов становится фактом реальности.

Начиная с работ французского ученого Пьера Нора, такие

мемориалы — от физически существующих музеев и бронзовых досок на фасадах до личности, которую группа просто считает для себя знаковой и о которой много говорит, — принято называть «местами памяти» или «фигурами памяти». А память группы, соответственно, принято считать памятью коллективной — хотя о чистоте термина в академических кругах до сих пор ведутся бурные и небезопасные для здоровья участников споры.

И если даже самые небольшие общности нуждаются в выстраивании коллективной памяти, то тем более в этом нуждаются такие огромные скопления людей, как города и страны (последние без нарратива о себе вообще вряд ли могут существовать — иначе как правительство будет объяснять народу, где заканчиваются «свои» и начинаются «чужие»). То есть

борьба за правильную память ведется не только сейчас и не только в России, а более-менее везде и более-менее всегда — другой вопрос в том, что при этом бывает с теми, кто осмеливается помнить неправильно.

И если вдруг человек, специализирующийся на изучении этих правильных и неправильных мемориальных нарративов, приезжает в город вроде Ростова и видит в нем памятную табличку с белыми буквами на белой стене, — он радуется. Радует его потому, что найти более выразительный знак, объясняющий, что этот город помнить хочет, а что вспоминает, скрипя зубами, — представить сложно.

Незаконные и невписавшиеся

Шолохова, как уже было сказано, он помнит с удовольствием. И как реальное историческое лицо, и как фигуру, олицетворяющую донское казачество — тоже бренд, который Ростов явно старается предъявить туристам и остальной стране как личный.

Шолохов для формирования бренда — материал хотя и не беспроблемный, но почти идеальный. Идеальный — потому что классик, потому что нобелиат и потому что, в отличие от других нобелиатов, имел прекрасные отношения с властью. Причем с любой: и к Сталину мог зайти чуть ли не чаю попить, и Хрущев к нему в Вешенскую ездил с «дружеским визитом», и с Брежневым он был едва ли не на «ты». И даже в нынешних обстоятельствах он оказался идеально вписывающимся в идеологические рамки — и написанная Прилепиным увесистая шолоховская биография под пафосным названием «Незаконный» много способствовала присвоению этой личности Z-лагерем. При этом — истинный казак, не любивший покидать свою станицу даже в годы всемирной славы, писавший наверх письма с просьбами на весь Союз отметить 400-летие Войска Донского — и со следующими формулировками:

Издания романа Тихий Дон с рисунками С.Г. Королькова. Фото: архив

«А что же мы — подлинники наследники донского края — будем молчать и делать вид, что мы «Иваны, не помнящие родства» и не чтящие историю Родины? Дон дал России Ермака, Пугачева, Разина, Булавина и многих других славных сынов. <...> Почему бы Вам, Геннадий Иванович, не послать в Старочеркасск авторитетную Госкомиссию историков, которая установила бы, какие объекты и ценности нуждаются в реставрации и сохранности. Ведь украинцы сделали же нечто подобное в бывшей Запорожской Сечи, а мы, выходит, лыком шиты?»

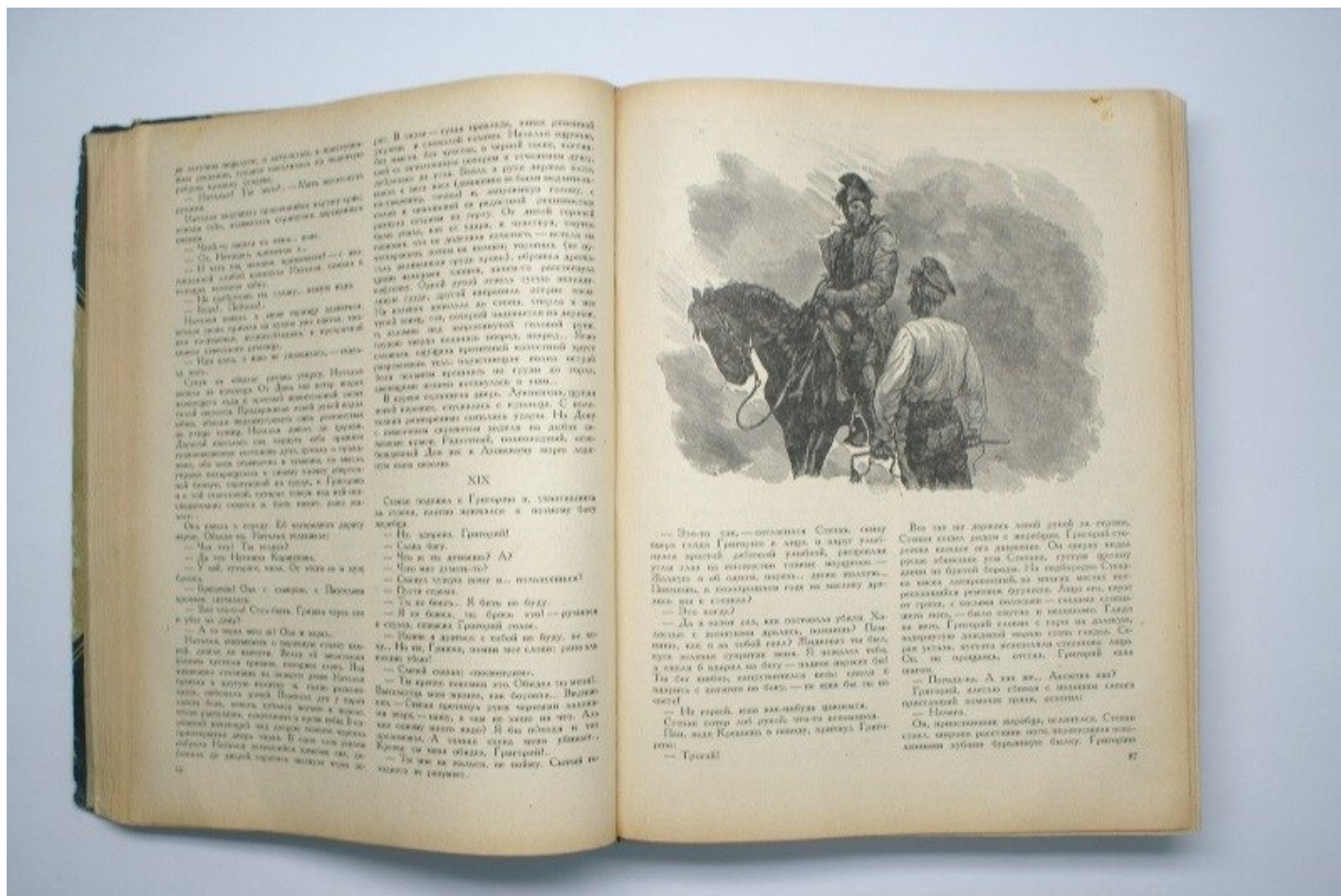
Тут и проповедь превосходства над эмигрантами, и презрение к украинцам — два в одном. Очень удобный для Z-иконографии автор, одним словом.

А проблемным материалом для создания бренда он оказался как раз из-за своей неразборчивости в связях. Сложно все-таки сделать благородного и вечно гонимого героя из того, кто с таким энтузиазмом лижет все, что благородным героям лизать не следует. Хотя и заступаясь при этом за униженных и

оскорбленных — впрочем, тоже не за всех.

И тем не менее Прилепин, создавая новый канон памяти о Шолохове, который (канон) было бы приятно распространять, явно потратил всю творческую фантазию на то, чтобы эту проблему решить: представить прогибание под власть как демонстрацию атлетической пластичности, как знание жизни и «фронтное представление об иерархиях». Именно поэтому, может быть, в Ростове, сразу при входе в музей Шолохова, стоит теперь повернутый к посетителю обложкой огромный прилепинский том «Незаконного», а сам автор запечатлен на фото в числе почетных гостей выставки об истории Донского казачества (фото тоже висит перед входом). И кумиру помог подправить мемориальный нарратив, и себя во многом оправдал (между строк шолоховской биографии прилепинское «прямо как я!» читается очень отчетливо). И городу подарил краеугольный камень, на котором можно строить идентичность.

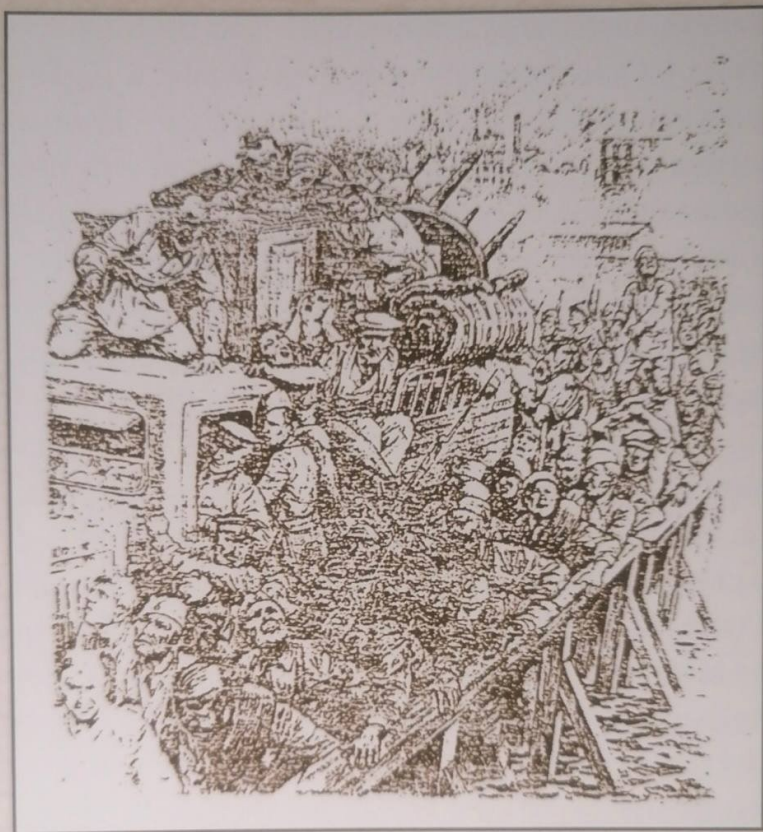
А на какой еще фигуре памяти ее строить? Иллюстратор классика для такой цели явно не пригоден. Сергей Корольков, что бы о нем ни придумывали, действительно ухитрился не вписаться ни в один важный для идеологии сюжетный поворот. Из-за бьющей фонтаном гениальности, или наоборот — но в академии он действительно почти не учился, а значит, и не был встроен в обязательную советскую иерархию, начинавшуюся со студенческой скамьи и сопровождавшую несчастного интеллигента до гроба.

Пока жил и работал в Союзе, создавал скульптуры и картины на пропагандистские советские сюжеты — но все неоднозначные, такие, что непонятно было, кто на этих картинах хороший: белые или красные.

Вот и два рукотворных памятника ему, которые остались в Ростове до сих пор, — два горельефа на здании драмтеатра имени Горького — получились тоже довольно непрямолинейные. Ни первый, «Железный поток», — скульптурная иллюстрация к роману шолоховского протектора Серафимовича, ни второй, «Донская Вандея», никак не прославляют красных и вообще ни одним жестом не говорят о чьей-то победе. На обоих горельефах — месиво тел, боль, борьба, насилие. Напряжение настолько ощутимо, что о нем говорит каждая деталь, особенно — то, как один конь пытается разорвать зубами шею другого. Воюют даже животные, убивают друг друга люди, различить которых по лагерям невозможно. О какой уж тут победе можно говорить.

Его иллюстрации к «Тихому Дону», над которыми он работал

параллельно с горельефами, на этом фоне выглядят гораздо более однозначными — все-таки когда художник любит своих героев, это всегда видно.

*«Эвакуация Ростова». Рисунок
С.Г. Королькова, лагерь Парш.
Фото из коллекции Г.Ф. Лаптева*

Фото: Виктория Артемьева / «Новая газета»

Познакомил их с Шолоховым Горький — тот самый, имя которого носит теперь театр и который, по одной из версий, избавил гения-антисоветчика от лагерей. Как раз во время работы над иллюстрациями и горельефами Королькова — по-настоящему, не по легенде, которых вокруг его биографии много, — арестовали по «народной» 58-й статье. Доказать вину не составило труда — но дальше случилось то, чего с обычными смертными антисоветчиками обычно не случалось: его выпустили. Тоже по-настоящему, не по легенде. Кто-то говорит, просто нужно было доделывать горельефы, но более правдоподобной кажется версия его биографа Смирнова: он

пишет, что возможным это было только при вмешательстве кого-то очень большого и что таким большим мог быть Горький.

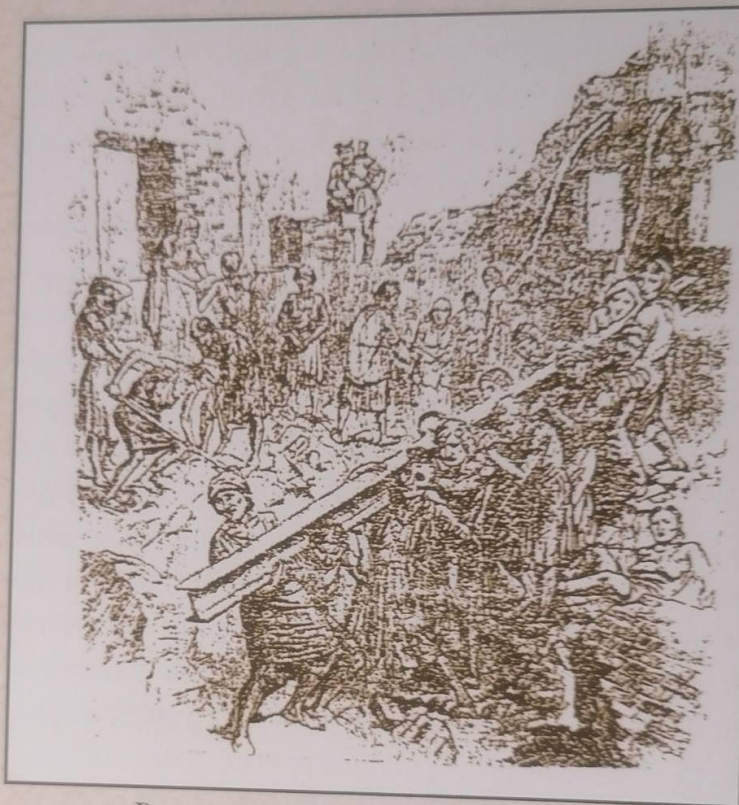
Но и после ареста Корольков своих взглядов не изменил. Ему было за что обижаться на советскую власть: за раскулачивание, за расказачивание, за невозможность рисовать то, что думаешь.

Автор неоднозначных, но все равно довольно лояльных рисунков и карикатур в советских газетах, он выпустил весь накопившийся яд позже — когда после войны переехал в Америку и стал публиковать в местных русскоязычных журналах карикатуры на советский режим.

Миниатюрные, но едкие и многофигурные, его рисунки выходили в «Станичном вестнике» США: на них человек, никогда не индивидуальный, но всегда сливающийся с народной массой, то послушно стоял в очереди под плакатом «Жить стало лучше», то таскал бревна на лесоповале, то давил друг друга на эвакуации из Ростова. Поди выстрой на таком идеологически правильную городскую идентичность.

А Ростов, как и всякий нормальный город, нуждается в культурной идентичности, которую можно нарисовать на магнитах и продавать в сувенирных лавках. И как всякий нормальный город, он ищет эту идентичность в своей истории, с удовольствием раскапывая свои исторические корни. Точнее, раскапывая то, что ему приятно вспоминать: щедрое и добродушное купечество и благородное, воинственное казачество.

*«Равноправие женщин». Рисунок
С.Г. Королькова.
Фото из коллекции Г.Ф. Лаптева*

Фото: Виктория Артемьева / «Новая газета»

На набережной стоит памятник-апофеоз того и другого: богато одетый, внушительной комплекции казак с православным крестом на груди, державой и мечом вместо скипетра. Называется это все «Дон-батюшка», а на пьедестале подписано, что скульптура — подарок городу от банка. Идентичность Ростова, если искать ее взглядом туриста, вот такая: гремучая смесь из официозного представления о казаке плюс менеджерско-купеческий подход.

И все-таки казачество здесь вспоминают старательнее. Связано это, надо думать, с тем, что казачеству вообще в последнее время уделяется много внимания: казаки проводят всероссийские съезды, организывают кадетские корпуса, конкурсы и, как гласит «Стратегия госполитики в отношении казаков», «участвуют в военно-патриотическом воспитании призывников, охране общественного порядка, обеспечении

экологической и пожарной безопасности, защите государственной границы Российской Федерации». Короче говоря, стали в последнее время удивительно активным и привилегированным сословием.

Что собой представляет официальный государственный нарратив о том, что такое казаки, проще всего понять, если открыть упомянутый указ президента от 9 августа 2020 г. № 505 «Об утверждении Стратегии государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества на 2021–2030 годы». Там сказано:

«Российское казачество — исторически сложившаяся на основе взаимодействия русского народа и других народов России социокультурная общность, сформированная в ходе многовекового служения казаков Российскому государству и обществу».

*«Жить стало лучше». Рисунок С.Г. Королькова.
Фото из журнала «Станичный вестник»
(США)*

Фото: Виктория Артемьева / «Новая газета»

К этому определению у всех, кто хоть немного знаком с историей казачества, может возникнуть масса вопросов. Начиная с «многовекового служения Российскому государству»: в одной из самых известных монографий по истории казачества Уильям Крессон — который, правда, не стесняется периодически повторять за гласом народа исторические байки, не проверяя, — о древних временах казачества говорит так:

«Но собранные в военные лагеря или «слободы» в моменты, когда они не вели кочевой образ жизни, эти «вооруженные банды» включали в себя беглецов и преступников, невзирая на их происхождение, и являлись постоянной угрозой для приграничных территорий своих более цивилизованных соседей. Они пиратствовали на больших реках, с одинаковой яростью нападали на караваны русских и татарских купцов, не делая для себя никаких различий в том, кого атаковать. Русское

слово «казак», от которого произошел и английский термин «Cossack», все еще переводится с некоторых наречий степных народностей как «наездник», «свободный, вольный человек», «путешественник, бродяга» или «разбойник».

Так что игра «казаки-разбойники» возникла явно не на пустом месте — и другие исследователи это сомнению особо не подвергают.

Да и вообще, не нужно быть казаковедом, чтобы понять, что отношения этой общности с государством никогда не были особенно идиллическими. На взгляд неспециалиста — подтвержденный ростовчанами — это всегда, а особенно в начале своего существования, было скорее ЧВК, чем президентский полк. И очень символично, что взбунтовавшийся Пригожин пришел именно в Ростов — потому что только на казачьей земле мог произойти такой казачий по духу и целям, абсолютно стенька-разинский по сюжету поход за зипунами (читай: за боеприпасами).

Казаки и были такими вот наемниками — готовыми сражаться за тех, с кем в данный момент им быть выгодно и кто не покушался на их вольницу.

И поэтому читать статьи федеральных СМИ, слушать экскурсоводов в новом московском музее казачества и скроллить посты локальных неоказачьих каналов про то, что казачество всегда твердо стояло на службе государя, как минимум забавно.

На вопрос о том, зачем вообще правительству потребовалось вдруг экспроприировать тему казачества, «Стратегия» тоже

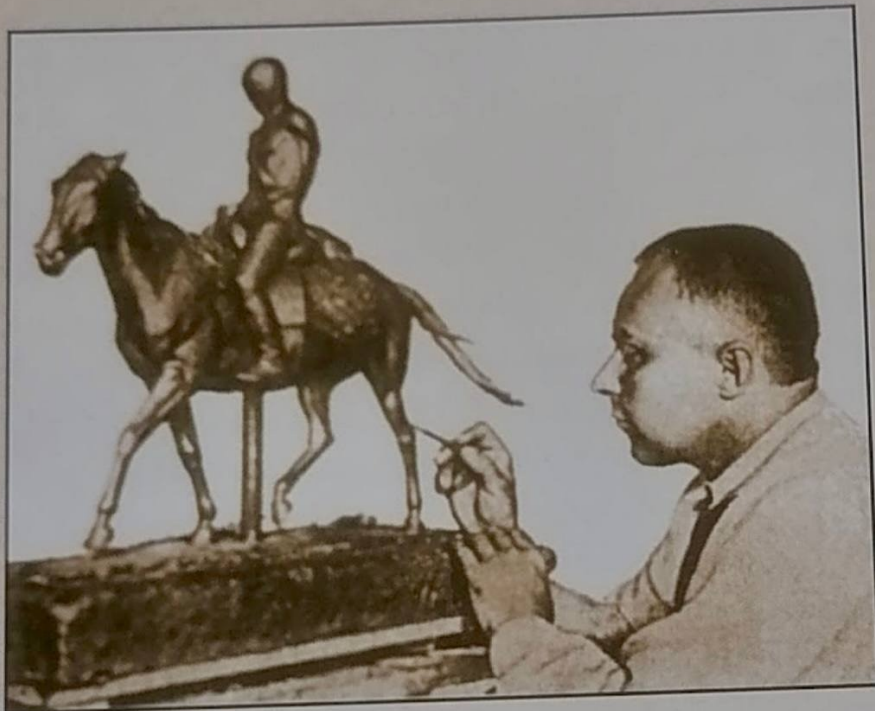
отвечает вполне прямо — в разделе «Цели и приоритеты»:

- обеспечение участия российского казачества в мероприятиях, направленных на укрепление обороны страны, государственной и общественной безопасности;
- привлечение российского казачества к участию в мероприятиях, направленных на укрепление гражданского единства, гармонизацию межнациональных (межэтнических) отношений, профилактику экстремизма и предупреждение конфликтов на национальной и религиозной почве».

Есть и другие пункты, но эти — самые красноречивые.

А если на вопрос о том, зачем отлакированное казачество вдруг понадобилось государству, отвечал бы дискурсолог, он, скорее всего, сказал бы, что это — попытка со стороны правительства на примере небольшой группы показать, как должна вести себя вся нация.

Здесь государство, правда, может столкнуться с непредвиденным неудобством: казачество иногда представляет себя не только как специфический класс или сословие, но и как самостоятельный этнос. А объяснить самостоятельному этносу, почему он должен быть предан чужому Русскому отечеству, может оказаться затруднительным.

*С.Г. Корольков заканчивает
работу над скульптурой Григория Мелехова,
«Тихий Дон», 1940 г. Фото из книги
«День нашей жизни»*

Фото: Виктория Артемьева / «Новая газета»

Есть и еще одна проблема, с которой сталкиваются те, кто пытается подогнать память неказаческого сообщества под нужный шаблон: это память об исторических травмах, например — память о насильственной выдаче советским властям перемещенных лиц в Лиенце англичанами и американцами. Среди этих насильно выданных перемещенных были и казаки, воевавшие на стороне Германии и просто ушедшие с немцами после освобождения советских территорий.

Среди таких — добровольно ушедших, но в Лиенце не выданных — был Корольков. Отказавшись возвращаться под начало советской власти, которую всегда не мог терпеть, он ушел из освобождаемого Ростова и попал сначала в лагерь для перемещенных лиц Парш, а после войны уехал в Америку. Среди насильно репатриированных его не оказалось — но он

всегда помнил о том, что в мае-июне 1945 года союзники послали в руки СМЕРШа сотни казаков и их семей (на кладбище Лиенца в братских могилах похоронены около 700, но было их, в том числе убитых, конечно, гораздо больше. Эти семьсот — только оказавшие сопротивление на месте). И самой известной работой Королькова в период жизни за границей стало как раз огромное многофигурное полотно, посвященное выдаче в Лиенце: картина о том, что нельзя доверять никакой власти — ни советской, ни антисоветской.

Могила Королькова. Штат Нью-Джерси, США. Фото: архив

Его потом долго просили вернуться. То есть сначала, конечно, отовсюду вымарывали: последнее издание «Тихого Дона» с его иллюстрациями вышло в Ростове в 1941 году, после этого — только в перестройку. Ни одна его скульптура из тех, что планировались, в городе поставлена не была, на имя наложили

табу. Но с приходом Хрущева все резко поменялось: о его возвращении по указу сверху просили и сама Вера Мухина, и скульптор Вучетич — сокурсник и соавтор Королькова, тот самый, который стал автором «Родины-матери» в России и умер, работая над примерно такой же «Родиной» в Украине.

Но Корольков в ответах на все это был категоричен: «Пишут свои зазывания примитивно, плоско и дешево, — делился он наблюдениями в письме одному позвавшему домой бывшему другу. —

«Родные, дорогие братья и сестры. Родина все забыла, все простила и ждет вас в свои объятия». Но как только мышеловка захлопнулась, то объятия тут же превращаются в мертвую хватку».

А потом в США отправилась — по другим, конечно, делам — советская делегация во главе с Хрущевым. Хрущев взял с собой лауреата Сталинской премии Шолохова и заодно попросил оказать благотворное влияние на давнего знакомого и бывшего иллюстратора. Шолохов, подготовился: собрал под коллективным письмом подписи хорошо знавших Королькова художников и стал поручителем. Но передать письмо не удалось: Корольков отказался встречаться с Шолоховым. Как писал в биографии первого исследователь Смирнов, в официальных бумагах сформулировали потом, что «помешали казаки-белоземляне».

Так и остался Корольков не вписавшимся в палитру — белым по белому.